

Русско-китайские торговые отношения и развитие пушного промысла на севере Тихого океана, конец XVII – первая треть XVIII в.

Александр Петров, Иван Грузинов

**Russian-Chinese trade relations and the development of fur trade
in the north of the Pacific Ocean, late 17th – early 18th centuries**

Aleksandr Petrov, Ivan Gruzinov

*(both – Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow;
Moscow State Linguistic University, Russia),*

DOI: 10.31857/S0869568722050065, EDN: KKZAHW

Торгово-экономические отношения России и Китая имеют давнюю историю и обширную историографию. Между тем влияние торговых отношений с Китаем на продвижение русских на Дальний Восток и освоение новых территорий ещё слабо изучены¹. Поэтому перед нами стояла задача рассмотреть истоки процесса освоения севера Тихого океана в контексте развития русско-китайских отношений. В данной статье мы попробуем обобщить и систематизировать накопленные в историографии сведения, предложить свою концепцию развития событий, а также наметить направления дальнейших поисков.

Первые идеи о возможности выстроить взаимоотношения с соседним азиатским государством появились в России ещё в XVI в. В 1525 г. русский посол в Риме Д. Герасимов, основываясь, вероятно, на данных средневековых и античных карт, рассказывал о возможности добраться до Китая Северным морским путём², однако в тот момент должного развития данные инициативы не получили. В середине XVII в. московский двор увидел необходимость во взаимодействии с молодой маньчжурской Цинской империей. Практическую форму эта потребность обрела во время первого посольства России в Китай в 1654–1656 гг. под руководством Ф.И. Байкова³. При этом грамоты царя Алексея Михайловича не были переданы Цинскому императору: посол, как и многие другие иностранные дипломаты после него, отказался от соблюдения обязательного ритуала в виде земных поклонов⁴. Такое нарушение протокола являлось достаточно грубым, поэтому Байков не получил аудиенции у Сына Неба и был

© 2022 г. А.Ю. Петров, И.И. Грузинов

Статья подготовлена за счёт гранта Российского научного фонда № 22-18-00043 (<https://rscf.ru/project/22-18-00043/>) в Институте всеобщей истории РАН.

¹ Так, в трёхтомнике «История Русской Америки, 1732–1867» в основном рассматривался более поздний, чем в данной статье, хронологический период, а значение русско-китайской торговли отмечается уже в конце XVIII в. (История Русской Америки, 1732–1867. В 3 т. / Под ред. Н.Н. Болховитинова. М., 1999).

² Цит. по: *Ефимов А.В.* Из истории великих русских географических открытий. М., 1971. С. 56–57.

³ Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / Под ред. А.В. Лукина. М., 2013. С. 24.

⁴ *Венюков М.* Очерк старых и новых договоров России с Китаем. СПб., 1861. С. 5.

вынужден покинуть Китай, увезя с собой и привезённые дары⁵. Тем не менее, находясь в Пекине, он выяснил, какие китайские товары могла бы приобретать русская казна (бархат, камка, драгоценные камки и проч.), и определил спрос на русскую продукцию (меха)⁶. Следует отметить, что благодаря развившемуся экспорту пушнины в Китае сформировался стереотип о России как о холодной стране, жители которой активно пользуются мехом, чтобы согреться⁷.

Результаты двух следующих посольств оказались весьма ограниченными. Лишь в рамках визита С. Аблина удалось реализовать предназначенные на продажу товары⁸. Относительно удачным было посольство 1672 г. под руководством И. Милованова и Г. Кобякова, которых, несмотря на растущую напряжённость на границе Китая и России, приняли благосклонно. Однако визит в Пекин российского посланника Н.Г. Спафария вновь не принёс ожидаемого результата – заключения торгового договора – из-за несоблюдения ритуалов⁹. Отчасти в свете указанных неудач российские правители убедились в необходимости заключения предметного и точного договора, каковым в итоге стал подписанный русским посланником Ф.А. Головиным 29 августа 1689 г. Нерчинский трактат. Помимо общеизвестных положений об установлении границ двух государств и уничтожении крепости Албазин, он определял порядок наказания людей, пересекающих границу с целью грабежа. Это было важно, «дабы не возникла война из-за бесчинства отдельных частных людей и было бы предотвращено кровопролитие». Примечателен пятый раздел договора, гласивший, что «люди какого бы то ни было положения, имеющие охранные грамоты для проезда, могут свободно следовать в земли обеих держав и повсюду продавать и покупать, как им будет необходимо для обоюдной торговли»¹⁰. Серьёзное влияние на содержание договора оказали иезуиты Т. Перейра и Ф. Жербильон, хотя и в отечественной, и в китайской литературе роль этих посланников либо сведена к минимуму, либо вовсе замалчивается¹¹.

Нерчинский трактат обладал серьёзными недостатками. Одна из основных целей документа заключалась в установлении границ, однако описание демаркационных линий было крайне неточным. Нерешёнными остались вопросы торговых отношений между Китаем и Россией. Желание Петра I разрешить их привело к отправке нового посольства под руководством Э.И. Идеса, но и его визит не принёс ожидаемых результатов¹². Более того, следствием попыток посольства установить торговые отношения стал прямой запрет китайским купцам выезжать за пределы Срединной империи¹³.

⁵ Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М., 1980. С. 102.

⁶ Там же. С. 99.

⁷ Самойлов Н.А. Россия и Китай в XVIII – начале XX в.: тенденции взаимодействия и взаимовлияния // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2010. Вып. 2. С. 5.

⁸ Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство... С. 102.

⁹ Венюков М. Указ. соч. С. 6.

¹⁰ Российско-китайские отношения. История и современность. Хрестоматия / Сост. Д.В. Кузнецов. [Электронный ресурс]. Благовещенск, 2014. С. 9.

¹¹ Венюков М. Указ. соч. С. 9; Хэ Гуичунь. «Чжун-Э нибучу» дэ цяньдин юй есухуэйши [«Нерчинский китайско-русский договор»: (его) подписание и иезуиты] // Вестник Фуцзяньского педагогического университета. Сер. Философия и общественные науки. 1989. Вып. 4. С. 102–109.

¹² Идес И., Бранд А. Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695) / Вступ. ст., пер. и коммент. М.И. Казанина. М., 1967. С. 384–385.

¹³ Венюков М. Указ. соч. С. 10.

Любопытно, что при подписании Нерчинского трактата цины совершенно проигнорировали Сахалин, который на тот момент являлся предметом пристального внимания Российского государства. По всей видимости, это связано с тем, что китайцы считали этот остров отдельным государством. Ещё на Тырском памятнике XV в. в устье Амгуни имелось упоминание о «заморских ку-и-сцах», «доступ к которым возможен только на судах». Согласно данным Б.П. Полевого, это было одной из причин устаревшего названия Сахалина на китайском языке – Кудеао, или «Айнский остров»¹⁴. Иезуиты на основании китайских источников стали на картах показывать напротив устья Амура особый остров с надписью «Regnum Haue»¹⁵. Впрочем, подтвердить такую этимологию названия географического объекта на китайском языке пока не удалось.

Имеются различные оценки Нерчинского трактата в историографии. Одни историки признают его существенным прорывом в развитии двусторонних отношений, другие – и вовсе победой российской дипломатии. П.Я. Яковлева охарактеризовала договор как равноправный¹⁶. Б.Г. Щебенков видел укрепление российско-китайских связей в развитии товарно-денежных отношений¹⁷. П.И. Кабанов указал на заложенные трактатом возможности для дальнейших переговоров по уточнению границ¹⁸. М.И. Сладковский утверждал, что благодаря договору были урегулированы пограничные споры и определены правовые основы для развития торговли¹⁹. В то же время В.М. Хвостов и Г.В. Мелихов отметили, что трактат был подписан под угрозой вторжения превосходящих маньчжуро-китайских войск, поэтому не может считаться равноправным²⁰. В.А. Александров указывал, что передача Цинской империи больших территорий в Приамурье задержала социально-экономическое, хозяйственное и культурное развитие региона почти на два века²¹. А.К. Прохоров, опираясь на источники из Поднебесной, отметил, что Цинская империя подчинила территории, никогда ранее ей не принадлежавшие²².

Определённым компромиссом видится позиция академика РАН В.С. Мясникова, который подчеркнул, что Нерчинский трактат способствовал нивелированию конфликта в самом начале международных отношений на Дальнем Востоке²³. Впрочем, следует отметить, что именно заключение соглашения с Россией помогло Цинской империи создать необходимую для её стабильного развития буферную зону в Приамурье и начать войну с Джунгарским ханством²⁴.

¹⁴ Полевой Б.П. Русские географические открытия на Дальнем Востоке с 30-х гг. XVII в. до 60-х гг. XIX в. Дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1985. С. 87.

¹⁵ Florovsky A. Maps of the Siberian Route of the Belgian Jesuit, A. Thomas (1690) // *Imago Mundi*. 1951. Vol. 8. P. 103–108.

¹⁶ Яковлева П.Т. Первый русско-китайский договор 1689 года. М., 1958. С. 211.

¹⁷ Щебенков Б.Г. Русско-китайские отношения в XVII в. М., 1960.

¹⁸ Кабанов П.И. Амурский вопрос. Благовещенск, 1959. С. 21–22.

¹⁹ Сладковский М.И. Очерки экономических отношений СССР с Китаем. М., 1957. С. 26.

²⁰ Хвостов В.М. «Китайский» счёт по реестру и правда истории // *Международная жизнь*. 1964. № 10. С. 21–27; Мелихов Г.В. Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.). М., 1974. С. 185–192.

²¹ Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М., 1969. С. 192–195.

²² Прохоров А.К. К вопросу о советско-китайской границе. М., 1975. С. 82.

²³ Мясников В.С. Историческое значение Нерчинского договора // *И не распалась связь времён... К столетию со дня рождения П.Е. Скачкова*. М., 1993. С. 85–90.

²⁴ Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство... С. 252.

Представляется, что договор 1689 г. зложил основу для дальнейшего взаимодействия с Китаем и показал возможность договариваться по широкому кругу вопросов. Следует подчеркнуть, что даже слабые переговорные позиции позволили России получить существенный результат — это можно расценивать как успех внешней политики в регионе, очень отдалённом от центра страны. Думается, что указанный опыт был использован в истории Русской Америки, когда удалось достигнуть договорённости с коренным населением Америки, Испанией, США и Великобританией.

Период с конца XVII в. до 1712 г. был временем относительного спокойствия на границе, а условия договора успешно соблюдались. С 1698 г., когда в Китай отправился первый казённый караван, пушнина стала главным (85%) экспортным товаром России в Цинское государство, остальная часть приходилась на кожевенные и мануфактурные изделия²⁵. Следует отметить, что торговый путь существовал и раньше (описан ещё в дневнике Спафария в 1675 г.), но носил частный характер. Торговые люди из Нерчинска самостоятельно проникали на китайскую территорию через Аргунский пограничный острог и затем шли по степи в направлении рек Хабур, Ган, Тербула, Мерген, Хинган, Каникал, Хайлар, Дзадук, Унера, Улучи и далее²⁶. Такой маршрут был достаточно опасен, в том числе потому, что цинские власти потворствовали нападениям местного населения на торговые караваны.

Российское государство стремилось жёстко контролировать торговлю пушниной с Китаем, что было отчасти продиктовано некоторыми статьями Нерчинского договора. Формально он позволял проводить торговые операции всем желающим, однако московское купечество пыталось монополизировать рынок²⁷. Только крупные купцы могли скупать у сибирских охотников пушнину и сбывать её²⁸, формируя основу русского экспорта в Китай в виде шкурок соболя, норки, лисиц, горностаев и проч.²⁹

Уже тогда выяснились недостатки казённой караванной торговли, ограниченной небольшим ассортиментом. Страны обменивались, с одной стороны, мехами, с другой — драгоценными металлами и камнями, шёлком и предметами роскоши, которые в основном предназначались для царского двора. При этом рост населения Сибири, которому нужны были продовольствие и ткани, и спрос в Поднебесной на российские товары из кожи, железа и сукна провоцировали поиск новых форм организации торговли. Уже в 1711 г. Пётр I отменил указ о государственной монополии на караванную торговлю с Китаем и частично передал её купцам с целью расширить перечень товаров³⁰. Тем не менее нельзя не подчеркнуть тот факт, что изначально импульс для разви-

²⁵ Мишакова О.Э. «Дипломатическая» роль Кяхты в развитии экономических отношений России и Китая в XVIII в. // Гуманитарный вектор. 2011. № 3(27). С. 19–25.

²⁶ Спафарий Н.Г. Путешествие через Сибирь до границ Китая. Чита, 2009. С. 104–113.

²⁷ Александров В.А. Указ. соч. С. 209.

²⁸ Там же.

²⁹ Гончарова О.В. Участие служилых людей (казаков) в пушном промысле и пушной торговле в Сибири // Казачество. 2016. № 9(22). С. 45–54; Жалсараев А.Д. Время, события, люди. Хронологический перечень дат и фактов этнической Бурятии. Улан-Удэ, 2011. С. 56.

³⁰ Романова Г.Н. Торговые связи России и Китая в конце XVII — начале XX в. // Зарубежный Восток: вопросы истории торговли с Россией. М., 2000. С. 160–161; Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М., 1974. С. 130–132; История Северо-Восточного Китая XVII–XX вв. Кн. 1. Маньчжурия в эпоху феодализма (XVIII — начало XX в.). Владивосток, 1987. С. 221.

тия межгосударственной торговли дала именно сибирская пушнина и попытки определить для неё подходящий рынок сбыта.

С 1689 по 1713 г., т.е. до заключения Кяхтинского договора, через Нерчинск, в тот период — основной торговый пункт на границе с Цинской империей, было пропущено 14 торговых (в основном частных и смешанных) караванов, включая миссию под руководством П. Худякова, формально завершившуюся уже в 1713 г. При этом, по всей видимости, успех неказённых караванов заключался в более низкой стоимости пушнины у частных торговцев из Нерчинска, которые зачастую не следовали установленным правилам и экономили на сборах³¹.

Можно предположить, что одним из способов избавиться от контрабандных поставок пушнины и в то же время расширить рынок сбыта могла стать морская торговля, благодаря которой исчезал дополнительный «посредник» в лице пограничного населения, а пушнину можно было поставлять напрямую в порты китайских приморских провинций. Идеи о том, что до Китая можно добраться морем через северо-восток Азии, стали проникать в Россию в начале XVIII в. и нашли отражение в документах того времени. Петра I занимала высказанная его сподвижником по заграничным путешествиям, корабельным мастером Ф.С. Салтыковым мысль о возможности плавания через Северный Ледовитый океан в Китай и Индию «по устью Амурское и вдоль между Епоном и Китаеми»³². 24 апреля 1713 г. Салтыков писал царю: «Велеть построить корабли на Енисейском устье и на иных реках, понеже оной реки устье позади Ледоватаго моря, и в Сибири от Енисейскаго устья до Китаи все надлежит вашему владению оной морской берег»³³. В следующем году он предложил послать из Архангельска корабли на поиски северного морского пути, чётко поставив задачу о «взыскании свободного пути морскаго от Двины реки даже до Амурскаго устья и до Китай»³⁴.

Между тем из-за огромных пространств и слабого представления о границах имелись определённые сложности. Визиты архимандрита Илариона (Лужайского), начальника первой Пекинской духовной миссии, и врача Гарвинга в Китай и китайских чиновников в Россию в 1712–1714 гг. показали важность развития двусторонних отношений и необходимость направления новых делегаций. Особенно это относилось к развитию торговых связей, в том числе с Японией и другими странами в Азиатско-Тихоокеанском регионе. При этом отмечалось, что даже японцы с их запретами имеют китайские товары, которые русские перекупают с большой наценкой. А.Я. Ельчин доносил Петру I в 1715 г., что «японцы и из Матманского города с торгами и привозят к ним платье японское камчатое и китайчетое»³⁵.

В 1712–1714 гг. было предпринято путешествие в Россию китайской делегации, названной по имени одного из послов — Тулишэня³⁶. Гостей на границе

³¹ Кириллова С.В., Шевцов В.В. Нерчинск — Пекин: русские торговые караваны в 1689–1703 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 435. С. 121–126.

³² Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. XVIII век. М.; Л., 1965. С. 14.

³³ Салтыков Ф.С. «Пропозиции» корабельного мастера Петру I о постройке кораблей в устьях рек Сибири, плавании их в Тихий океан, открытии новых островов и морской торговле с Китаем и другими странами, 24 апреля 1713 г. // Пропозиции Фёдора Салтыкова. СПб., [1892]. С. 28–29.

³⁴ РГАДА, ф. 9, отд. II, кн. 13, л. 958–962.

³⁵ Там же, отд. II, д. 43, л. 375–376.

³⁶ Ипатова А.С. История российско-китайских отношений в документах и материалах // Новая и новейшая история. 2013. № 2. С. 70–93.

встречал и в дальнейшем сопровождал подполковник П. Ступин. Основной задачей миссии считалось привлечение калмыков, проживавших в низовьях Волги, к военным действиям на стороне Цинской империи против Джунгарского ханства. А.В. Ефимов полагал, что экспедиция снаряжалась также для подготовки карты России, на которой были бы обозначены выходы к морям с севера и востока. Её составление держалось в секрете от российской стороны вплоть до 1764 г., когда в «Ежемесячных сочинениях и известиях о учёных делах» было опубликовано «Описание путешествия, коим ездили китайские посланники в Россию, бывшие в 1714 году у калмыцкого тайши Аюка на Волге», первоначально изданное в Пекине в 1723 г. Судя по этой карте, китайцы весьма приблизительно представляли себе выход к Охотскому морю. Они полагали, что расстояние от озера Байкал до выхода к Тихому океану можно преодолеть практически полностью по рекам, причём южнее Ангары. Выход к морю в северном направлении представлялся китайцам более сложным. К примеру, Ангара, по их данным, обрывалась вскоре после Байкала.

В предписаниях, данных Ступину перед встречей китайской делегации (опубликованы в «Памятниках Сибирской истории» и в «Ежемесячных сочинениях и известиях о учёных делах»³⁷), отмечалась важность изучения пути от Удского острога до Нерчинска и говорилось о направлении для этих целей двух лиц, которым следовало изучить китайскую границу. Задача была весьма сложная, так как предстояло пройти тысячи вёрст по территории, известной лишь охотникам на пушного зверя. Кроме того, предписывалось изучить острова и территории, которые находились напротив Колымского устья и Камчатки. По всей видимости, и в России, и в Китае полагали, что реки Колыма, Анадырь и Камчатка текут параллельно друг другу и впадают в море поблизости одна от другой. Предписания Ступину хранились в секрете и стали известны широкой публике лишь 50 лет спустя, когда уже имелись более чёткие представления о географии Дальнего Востока и севера Тихого океана благодаря путешествиям В. Беринга.

Проход через российские владения китайских посланников требовал ответных действий со стороны Цинского государства. В знак признательности император Канси удовлетворил просьбу российских властей по размещению в Пекине духовной миссии, которая находилась в столице Китая в 1715–1716 гг.³⁸ Следует отметить, что запрос на размещение представителей духовенства на тот момент давно назрел. Пётр I ещё в 1700 г. впервые распорядился подыскать подходящих для отправки в Сибирь и Китай служителей³⁹, повторив свои указания в 1703, 1706 и 1710 гг. Особую важность направление православных священников приобрело в 1712 г., когда скончался миссионер о. Максим Леонтьев, который осуществлял духовную работу с оставшимися в Китае бывшими албазинцами⁴⁰. Однако из-за сопротивления иезуитов, проживавших при Цинском дворе, отправка духовной миссии откладывалась, и ситуация разрешилась только после завершения посольства Тулишэня. Вообще, отношение иезуитов к развитию русско-китайских отношений требует дополнительного изучения с привлечением документов из итальянских архивов.

³⁷ Ефимов А.В. Из истории великих русских географических открытий. М., 1950. С. 125–127.

³⁸ Головин С.А. Российская духовная миссия в Китае: исторический очерк. Благовещенск, 2013. С. 22.

³⁹ ПСЗ-1. Т. 4. № 1800.

⁴⁰ Дацышен В.Г. Христианство в Китае: история и современность. М., 2007. С. 132.

Впрочем, судьба духовной миссии складывалась неблагоприятно. Во-первых, она оказалась на довольствии цинского правителя, получая чины в соответствии с китайской ранговой системой, что можно трактовать как «переподчинение» отечественных посланников. Во-вторых, уже в 1717 г. часть членов миссии была отправлена в Тобольск из-за болезней. В 1718 г. скончался глава духовной миссии, архимандрит Иларион (Лежайский), что поставило под вопрос продолжение нахождения в Пекине российских подданных⁴¹.

Отчасти поэтому Пётр I в 1719 г. снарядил посольство Л. Измайлова с амбициозными целями, отражёнными в том числе в инструкциях от Коллегии иностранных дел и Коммерц-коллегии: добиться разрешения на постройку в Пекине православной церкви и права на назначение вице-консулов в «разные второстепенные города»⁴². Российская делегация, выехав из Санкт-Петербурга 16 июля 1719 г., добралась до Пекина 18 ноября 1720 г.⁴³ Согласно свидетельствам, практически все поставленные цели были достигнуты (в том числе учреждение генерального консульства в Пекине), однако вскоре отношения ухудшились⁴⁴. В некоторых трудах причиной называется непрофессионализм оставленного по результатам посольства Измайлова в Пекине консула – уроженца Швеции Л. Ланга⁴⁵. Он продержался в должности не более 17 месяцев, испортив отношения с императором Канси из-за «мелочности и надменности». По всей видимости, Ланг честно исполнял свои обязанности, но отказывался давать взятки и преподносить дорогие подарки местным бюрократам, что нарушало традиции и представления о взаимодействии между государственными служащими и иностранными посланниками⁴⁶. Одним из последствий стал запрет на торговлю между Россией и Китаем в 1722 г.⁴⁷

Впрочем, феномен личности Ланга являлся лишь одним из факторов ухудшения двусторонних отношений. Ещё в конце посольства Измайлова через границу перешла группа монголов численностью в 700 человек, которые присягнули российскому императору. Китайские власти потребовали вернуть беглецов, в противном случае угрожая свернуть переговоры, что и произошло: Измайлов покинул Пекин 12 февраля 1721 г.⁴⁸ Другим немаловажным фактором стало поведение русских купцов в Пекине, которые нередко устраивали пьяные дебоши⁴⁹.

Помимо прочего, Измайлову не удалось добиться от китайской стороны разрешения на ведение духовной деятельности в Пекине и иных городах Поднебесной. Мотивировка отказа заключалась в том, что, во-первых, русский духовный

⁴¹ Там же. С. 134.

⁴² *Бантыш-Каменский Н.Н.* Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год. Казань, 1882. С. 85–88; *Филитов Т.Ф.* Георг Иоганн Унферцагт и его описание путешествия в Китай в составе русского посольства Л.В. Измайлова 1719–1722 гг. // Россия и Китай: научные и культурные связи (по материалам архивных, рукописных, книжных и музейных фондов). Вып. 2. СПб., 2012. С. 12–18.

⁴³ Историческое обозрение Сибири. Кн. 1: с 1585 до 1742 года. М., 1838. С. 429.

⁴⁴ *Венюков М.* Указ. соч. С. 12–13.

⁴⁵ *Бантыш-Каменский Н.Н.* Указ. соч. С. 96–97.

⁴⁶ *Березницкий С.В.* Караванная торговля России с Китаем и отечественная наука XVIII века. СПб., 2017. С. 51; *Куриц Б.Г.* Русско-китайские сношения в XVI, XVII, XVIII столетиях. Днепропетровск, 1929. С. 66–67.

⁴⁷ Историческое обозрение Сибири. Кн. 1. С. 429–430.

⁴⁸ *Ипатова А.С.* История российско-китайских отношений... С. 70–93.

⁴⁹ *Мишакова О.Э.* «Дипломатическая» роль Кяхты... С. 19–25.

посланник не имел необходимых документов; во-вторых, цинская сторона ожидала решения о передаче им монгольских беглецов — без их возврата рассмотрение вопроса о нахождении духовной миссии было невозможно⁵⁰. Значительное влияние на принятие такого решения, вероятно, оказали иезуиты, прочно укрепившиеся при дворе китайского правителя ещё в XVII в. По всей видимости, они справедливо воспринимали Российское государство и его посланников как конкурентов и старались заблокировать упрочение русско-китайских отношений.

Со смертью императора Канси в 1722 г. отношения Цинской империи с представителями иностранных государств становятся более напряжёнными. Новый богдыхан, правивший под девизом Юнчжэн, начал проводить политику изоляционизма. На это повлияло большое количество факторов, связанных преимущественно с наметившимися негативными тенденциями внутри государства: разложение низовой прослойки «знамённого» (военного) сословия, продолжавшееся притеснение «подлого люда» (людей, которые не относились к крестьянам, чиновникам, ремесленникам и торговцам) и проч.

Не последнюю роль в формировании внутривнутриполитических вызовов сыграли иностранные подданные, в отношении которых начались проверки. Расследование выявило большое количество злоупотреблений, начиная с того, что иезуиты старались выполнять работу, к которой не могли иметь отношения (например, были поварами, конюхами, музыкантами, камердинерами, торговцами на ярмарках и проч.), и заканчивая прямым манипулированием верой и религией. Известны случаи, когда во время проповеди они использовали одежды шэньши (учёных-чиновников), апеллировали к наукам и искусствам, адаптировали тезисы своего религиозного учения к китайским реалиям и дарили иконы, утверждая, что они имеют чудодейственные свойства⁵¹. Такое поведение, угрожавшее внутренней стабильности в стране, вызвало соответствующую реакцию властей. В 1724 г. Юнчжэн приказал выслать из Китая иностранных миссионеров, оставив только самых необходимых, а храмы — их было около 300 — в большинстве своём обращались в общественные дома. Развивались идеи, изложенные в «священном указе» Канси 1670 г., направленном против инакомыслящих и запрещавшем отправление христианских богослужений.

Распоряжение нового императора повлияло и на русско-китайские отношения. Впрочем, опасения, связанные с запретом на проведение духовной деятельности православных миссионеров, не оправдались. Более того, Юнчжэн, по всей видимости, надеясь на стабилизацию отношений между государствами и отправил посольство в Россию⁵², представленное двумя знатными министрами: гуном (князем) Олондаем (иные варианты написания его имени — Олой, Ао Лундай) и тайным советником, главой красного знамени⁵³ и Лифаньюаня (Палаты вассальных территорий) Тэгутум⁵⁴. Миссия должна была обсудить с представителями российских властей в Селенгинске некоторые вопросы, свя-

⁵⁰ *Бантыш-Каменский Н.Н.* Указ. соч. С. 99–100.

⁵¹ Очерк христианской проповеди в Китае // Труды Киевской духовной академии. 1860. Кн. 4. С. 279.

⁵² *Бантыш-Каменский Н.Н.* Указ. соч. С. 110.

⁵³ Система знамён — синтез систем военной и гражданской администрации в Цинской империи. Глава красного знамени — полководец соответствующих (приписанных к этому знамени) армий и политический администратор в районах их размещения.

⁵⁴ Письмо агента Л. Ланга халхаскому Тушэту-хану Ванчжиль Доржи и цзюньвану Дандзондоржи о своём намерении послать в Пекин гонца с письмом (URL: <https://www.abirus.ru/content/564/623/626/14338/16913/16915/17001.html> (дата обращения: 15.04.2021)).

занные с демаркацией границ. Статус и специфика отношений между Российской и Цинской империями неоднократно обсуждались в Сенате, Коллегии иностранных дел и в Коммерц-коллегии. 20 января 1724 г. Сенат отправил Л. Ланга для межевания границ, которое, однако, не было осуществлено⁵⁵.

После смерти Петра I вопрос определения границ оставался достаточно острым. 10 февраля 1725 г. Коллегия иностранных дел определила посылку грамоты сибирскому губернатору М.В. Долгорукову в Тобольск, с сообщением о назначении послом в Китай С.Л. Владиславича-Рагузинского и с требованием подготовить для посольства выписки из документов о сношениях с Цинской империей⁵⁶. 3 марта 1725 г. Екатерина I повелела Лангу уведомить китайский двор о смерти российского государя, а также сообщить, что вскоре в Пекин будет направлен новый посланник для разрешения вопросов, связанных с границей⁵⁷.

Цинские власти считали первостепенным вопрос о пограничном размежевании русских и монгольских земель, хотели закрепить своё господство в Халхе и добиться признания новых границ⁵⁸. Зная о заинтересованности России в установлении добрососедских торгово-экономических отношений и опасаясь сближения русских с монголами, цины оказывали политическое давление: в 1724 г. они остановили русский караван и постоянно требовали выдать перебежчиков. Именно в это время вступила в завершающую стадию подготовка крупной экспедиции по изучению северной части Тихого океана под руководством В. Беринга, инициированная Петром I. В его инструкции чётко указывалось: «На оных ботах [плыть] возле земли, которая идет на норд, и по чаянию (понеже оной конца не знают) кажется, что та земля — часть Америки»⁵⁹. Экспедиции Беринга следовало оказывать всяческую помощь, в том числе сибирским властям, подвластные территории которых граничили с Китаем⁶⁰. Вероятно, сведения об экспедиции дошли до Цинской империи, которая поспешила приступить к заключению полномасштабного договора с Россией.

В 1727 г. в ходе посольства в Китай С. Владиславич подписал Буринский трактат, фиксирующий границы между Россией и Цинской империей на тех участках, которые не были определены Нерчинским договором. Это позволило отклонить часть притязаний китайской стороны на те земли, которыми уже владела Россия, и обозначить границы по линии монгольских караулов⁶¹. Важнейшим достижением для России стало фиксирование за ней земель к югу от Кузнецка и Красноярска.

В 1728 г. Россия заключила Кяхтинский договор с Китаем, который во многом подтвердил условия Нерчинского и Буринского трактатов. В большинстве трудов отмечается, что договор подписан 21 октября 1727 г., однако при его изучении становится очевидно, что в этот день был составлен проект,

⁵⁵ ПСЗ-I. Т. 7. № 4429. С. 208–209.

⁵⁶ АВПРИ, ф. Сношения России с Китаем, оп. 62/2, д. 2, л. 8–11 об.

⁵⁷ *Бантыш-Каменский Н.Н.* Указ. соч. С. 113.

⁵⁸ *Читимдоржиев Ш.Б.* Взаимоотношения Монголии и России в XVII–XVIII вв. М., 1978. С. 93.

⁵⁹ ПСЗ-I. Т. 7. № 4679.

⁶⁰ РГАВМФ, ф. 223, оп. 1, д. 29, л. 113; *Иерусалимский Ю.Ю., Давыдов В.В.* Роль Петра Великого в освоении Русской Арктики // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. История и политические науки. 2022. № 2. С. 58–67.

⁶¹ АВПРИ, ф. Сношения России с Китаем, оп. 62/1, д. 12а, л. 588–589.

но подписан (в тексте используется термин «разменян») он только 14 июня 1728 г.⁶² В преамбуле указано, что договор составлен по велению Екатерины I, а подписывался уже в первый год правления Петра II. Как пишет исследователь В.Г. Дацышен, это произошло по настоянию китайской стороны исходя из её собственных представлений о корректности упоминания того или иного правителя⁶³.

В текстах Кяхтинского трактата, подписанных сторонами, наблюдались существенные разночтения, однако они не сильно повлияли на суть документа. Впервые юридически определялась линия границы между странами, что позволило выставить пограничные посты и караулы, а также создать специальное учреждение — пограничную канцелярию, которая базировалась в Селенгинске и следила за тем, чтобы русско-китайская торговля шла в специально определённых для этого местах⁶⁴. России разрешалось отправлять караваны в Пекин всего три раза в год, однако появились зоны беспошлинной торговли в Кяхте и Цурухайту, что обеспечило значительный рост общего торгового объёма⁶⁵. Кроме того, в Пекине разрешалось вести работу русской духовной миссии. С этого времени торговля между двумя державами стала быстро развиваться⁶⁶, хотя поначалу носила обменный характер (использование денег и кредита запрещалось), а до середины XIX в. шла практически исключительно через Кяхту.

Ежегодный товарооборот в этой приграничной слободе исчислялся миллионами рублей⁶⁷, хотя подобные показатели были достигнуты далеко не сразу. На первые торги 15 августа 1728 г. прибыли всего 10 русских и 4 китайских купца, а уже к концу года появился гостиный двор с 24 лавками и 32 купеческими избами⁶⁸. Изначально из-за того, что часть отечественных товаров — пушнина, изделия из золота и серебра — была запрещена к продаже частными лицами, китайские покупатели не особо интересовались продукцией из России. Ситуацию несколько выправляла продажа ревеня, однако важность этого продукта меркнет на фоне запросов на меховые изделия, нелегально поставлявшиеся в Китай.

В 1743 г. по указу Сената Кяхтинский форпост возводится в ранг торговой слободы и туда поселили около ста семей «для распространения купечества»⁶⁹. В этот момент изначально мелкий пункт на границе двух империй стал опорной точкой для расширения влияния России. В дополнение к сложившимся границам происходило преобразование экономической политики в отношении

⁶² Сборник договоров России с Китаем 1689–1881 гг. СПб., 1889. С. 50–60. О разночтениях при датировке подписания договора см.: *Дацышен В.Г.* «Кяхтинский трактат 21 октября 1727 г.»: проблемы текста и датировки // *Общество и государство в Китае*. Т. 47. 2017. № 1. С. 635–649.

⁶³ *Дацышен В.Г.* «Кяхтинский трактат 21 октября 1727 г.»... С. 635–649.

⁶⁴ *Мишакова О.Э.* Кяхта: от караванной торговли до порто-франко. Из истории торговых отношений России и Китая в XVIII – первой половине XIX вв. // *Вестник Бурятского государственного университета*. 2011. № 7. С. 46–50.

⁶⁵ *Самойлов Н.А.* Кяхта и Маймайчэн: геокультурное пространство взаимодействия России и Китая в XVIII–XIX вв. // *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета*. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2009. № 4. С. 190–197.

⁶⁶ *Чэнь Кайкэ.* Чжун-Э гуаньси шишан дэ ву тяо лу [Пятый путь в истории российско-китайских отношений] // *Элосы сюэкань*. Т. 10. 2020. Вып. 56. С. 70–91.

⁶⁷ *Дэн Вэньчу.* Тянься 1: Мин Цин дуйвай чжанью шиши [Поднебесная 1: исторические факты внешнеполитической стратегии династий Мин и Цин] // *The Paper* (URL: https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_10214193 (дата обращения: 30.03.2021)).

⁶⁸ *Мишакова О.Э.* Кяхта: от караванной торговли до порто-франко... С. 46–50.

⁶⁹ ОР РГБ, ф. 20, п. 3, д. 5, л. 19.

сибирских земель, что означало окончательное закрепление России в регионе и позволило без лишних опасений за стабильность сухопутных связей новых и старых территорий страны двигаться дальше на восток, к Тихому океану.

Следует отметить, что Россия в лице Китая нашла отличный рынок для сбыта сибирских товаров. Логистика, подразумевавшая доставку товаров с востока России, т.е. практически через весь континент, была относительно затруднена и нерентабельна: из-за развития производства шерсти в Англии и ввоза в Европу пушнины из Северной Америки международная торговля мехами в западном направлении сулила только убытки⁷⁰. Спасением виделась Цинская держава, интересовавшаяся русской пушниной. Один обоз с мехом стоил около 100 тыс. руб.⁷¹ Допустимо сказать, что это был уникальный отечественный продукт, недоступный другим государствам. В какой-то степени меха выступали аналогом опиума для Британской Ост-Индской компании, сыгравшей трагическую для Китая роль в XIX в.

В китайских источниках указывалось, что агрессоры в лице русских казаков в районе Амура притесняли национальные меньшинства этих мест Китая⁷², а цинские власти применяли прекращение торговли в сочетании с отпором в военных действиях⁷³. Таким образом, политика Российского государства в отношении Китая оценивалась исключительно как экспансионистская и трактовалась практически как попытка колониального захвата⁷⁴. Более того, такой подход был синонимичен понятию «эпохи унижений Китая» (пусть этот термин и вошёл в обиход значительно позже) из-за того, что Россия якобы имела исключительные преимущества перед остальными колониальными державами и ещё до Опиумных войн продвигала неравноправные отношения⁷⁵. Несмотря на изменившиеся взгляды в китайской науке, которые тяготеют к оценке Кяхтинского трактата как договора двух равных государств⁷⁶, отголоски такой трактовки по-прежнему слышны, что однозначно вредит современным двусторонним отношениям.

Впрочем, проследить определённые параллели с неравноправной торговлей опиумом можно. Контрабанда в районе Маймайчэна (поселение-спутник Кяхты по китайскую сторону границы) однозначно предполагала нарушения условий международных соглашений и местных законов, поэтому вопросы «юридической чистоты» проведения торговых операций между русскими и китайскими купцами имели место. Другое дело, что сама контрабанда, о которой в 1730 г. писал Ланг⁷⁷, возникала не только по вине российских властей. Китай под различными предлогами приостанавливал торговые операции в Кяхте

⁷⁰ Романова Г.Н. Становление российско-китайских торговых связей (XVII – первая треть XVIII в.) // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2014. № 2(67). С. 101–112.

⁷¹ Клиффорд Ф. Великий торговый путь от Петербурга до Пекина. История российско-китайских отношений в XVIII–XIX веках. М., 2019.

⁷² История китайско-советских торгово-экономических отношений. Харбин, 1992. С. 29.

⁷³ Cahen G. Some early Russo-Chinese relations. Shanghai, 1939.

⁷⁴ Критика исторических взглядов советских ревизионистов. Пекин, 1977. С. 16.

⁷⁵ Там же. С. 17.

⁷⁶ Су Фэнлинь. Цун «Нибучу тьяоюэ» дао «Цякэту тьяоюэ» – Чжун-Э вэньхуа цзяолю дэ лишн пяньдуань [От Нерчинского договора к Кяхтинскому – фрагменты истории культурного взаимодействия Китая и России] // История и современное состояние китайско-российских отношений. Кайфэн, 2004.

⁷⁷ Записки Л. Ланга о поездке в Пекин // Русско-китайские отношения в XVIII в.: материалы и документы. Т. 2. 1725–1727 гг. М., 1990. С. 120.

в 1733, 1737, 1744, 1747, 1751, 1753, 1756 и 1757 гг. В 1760 г. объём контрабандных операций составил 1 млн 358 тыс. руб.⁷⁸

Однако в периоды, когда ни российские, ни китайские власти не чинили препятствий, в Кяхте развивались уникальные методы взаимодействия. На протяжении десятилетий здесь сформировалась своеобразная система торговли. Ежегодно из русских купеческих компаний выбиралось по одному уполномоченному или поверенному, которые оценивали качество и определяли, сколько необходимо русской продукции, для того чтобы выменять определённое число китайских товаров и наоборот. Торговля велась исключительно путём обмена⁷⁹, использование денег, драгоценных металлов и кредита запрещалось⁸⁰.

Меновой характер коммерческих отношений создавал сложности, торговля становилась многоступенчатой⁸¹. Русским купцам необходимо было приобрести товар в России, привезти в Кяхту, там выменять его на китайский, вывезти последний и продать в России. Иными словами, русские купцы увеличивали свою прибыль посредством обмена своего товара на китайский, с последующей его продажей в России. Они стремились максимально нарастить объёмы продажи пушнины на китайский рынок: вывозили шкуры речных бобров, лис, песцов, рысей, волков, выдр. Особенным спросом пользовались лапы животных (преимущественно лис, песцов и рысей), популярные в традиционной медицине. Стоит заметить, что уже в начале XVIII в. на рынке в Кяхте стали появляться шкуры морских бобров (каланов) и их хвосты, которые получали с Алеутских, Курильских и Командорских островов. К 1720-м гг. русские купцы стали продавать шкуры медведей, выхухолей, норок, росомех, морских котиков⁸².

На взаимодействие России и Китая влияли различные традиции и подходы к ведению международных отношений. Цинская держава стала продолжателем тысячелетнего уклада, который подразумевал трактовку Поднебесной как центра мира, сюзерена для всех остальных стран. Россия же серьёзно укрепила свои позиции на международной арене и заявила о себе как о мировой державе. Академик Мясников отмечал, что взаимодействие двух стран по формационным характеристикам относится к однотипному, а по цивилизационным — к смешанному виду межгосударственных связей⁸³.

Различной была и мотивация для развития отношений между странами. Для России важны были экономические аспекты. Благодаря петровским реформам экономика показывала рост, для чего требовалось привлекать финансовые ресурсы. Цинская держава придерживалась политических категорий, полагая, что укрепление России может привести к изменению положения Китая как регионального гегемона (хотя, конечно, богдыханы в тот период рас-

⁷⁸ Бантыш-Каменский Н.Н. Указ. соч. С. 242.

⁷⁹ Лапин П.А. «Китайский плутовской устав», или секретная инструкция китайским пограничным властям о ведении торговых дел с Россией (первая половина XVIII — вторая половина XIX вв.) // Общество и государство в Китае. Т. 45. 2015. № 2. С. 627.

⁸⁰ Корсаков А.К. Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем. Казань, 1857. С. 95–96.

⁸¹ Яо Сяньгао. Чжунго цзиньдай дуйвай мао ши цзыляо [Исторические материалы о китайской внешней торговли в Новое время]. Т. 2. Пекин, 1962.

⁸² Отчёт Главного правления Российско-американской компании за 1840–1841 гг. СПб., 1842. С. 25.

⁸³ Мясников В.С. Историко-культурные особенности взаимодействия России и Китая // Мясников В.С. Квадратура китайского круга: избранные статьи в 2 кн. Кн. 1. М., 2006. С. 451.

сма тривали себя властителями мира). Поэтому основной целью заключения соглашений между Россией и Китаем цины считали разграничение территорий и утверждение правового положения новых земель в составе Поднебесной, а не экономическое взаимодействие.

Таким образом, специфика русско-китайских отношений в конце XVII – начале XVIII в. повлияла на выход русских к Тихому океану, а Цинская держава становится важнейшим рынком пушнины, являясь своего рода экономическим стимулом освоения новых территорий. Заключение соглашений с Китаем происходило в одно время с формированием задач экспедиции В. Беринга. Эти события, повлиявшие на исторические процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе, были взаимосвязаны и в конечном счёте способствовали движению России на Восток. Дальнейшее изучение проблематики статьи требует привлечения сведений из зарубежных архивов, в первую очередь Китая и Западной Европы.